

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

DOI: [10.14515/monitoring.2020.5.1638](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1638)

И. Е. Дискин

КРАХ И РОЖДЕНИЕ ИНСТИТУТА ИЗ ВЗРЫВА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Правильная ссылка на статью:

Дискин И. Е. Крах и рождение института из взрыва повседневности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 629—648. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1638>.

For citation:

Diskin J. E. (2020) Institution's Failure and Birth Coming from Everyday Life Explosion. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 629—648. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1638>. (In Russ.)

КРАХ И РОЖДЕНИЕ ИНСТИТУТА ИЗ ВЗРЫВА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

*ДИСКИН Иосиф Евгеньевич — доктор экономических наук, ведущий эксперт Института прикладных политических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; зам. председателя Научного совета, Всероссийский центр изучения общественного мнения, Москва, Россия
E-MAIL: idiskin9@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-5002-7867>*

Аннотация. Задача — проследить влияние актуальных социальных процессов на формирование глобального экономического кризиса, на подрыв сложившейся институциональной системы. Пандемия подрывает устои повседневности и выступает акселератором обострения социальных противоречий. Важный фактор разрушения институциональной системы — взрыв идеологически накаченных «пузырей доверия», подрыв ее легитимности. Это результат разрушения системы социальных статусов, основанных на компетенциях и достижениях; дезинтеграции ценностей и интересов. Снижается регулятивная роль рефлекслируемых интересов, растёт влияние эмоций и социального аффекта. Преодоление кризиса требует его теоретического осмысления и формирования субъекта — ответственного класса.

Ключевые слова: глобальный кризис, социальные институты, гражданская религия, ответственный класс

INSTITUTION'S FAILURE AND BIRTH COMING FROM EVERYDAY LIFE EXPLOSION

*Joseph E. DISKIN^{1,2} — Dr.Sci. (Econ.), Leading Expert at the Institute for Applied Political Studies; Scientific Council Deputy Chairman
E-MAIL: idiskin9@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-5002-7867>*

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

² Russian Public Opinion Research Center, Moscow, Russia

Abstract. The aim of the study is to trace the impact of today's social processes on the origin of global economic crisis, on the disruption of the existing institutional system. Pandemic undermines the pillars of daily life and acts as an accelerator of aggravating social antagonisms. An important factor of the institutional system destruction is an explosion of ideologically inflated 'bubbles of trust', erosion of its legitimacy. This results from a break-up of a system of social status based on competencies and achievements, as well as from disintegration of values and interests. A regulative role of interests under reflexion is down, whereas the impact of emotions and social affect is up. Overcoming the crisis requires a theoretical conceptualization and a formation of a subject associated with the responsible class.

Keywords: global crisis, social institutions, civil religion, responsible class

Всем хорошо памятна формула Ф. Ницше: трагедия рождается из духа музыки [Ницше, 1912]. Но вопрос: из чего рождаются кризисы?

Современная ситуация в России, да и в мире, потрясающая основы, многим казавшиеся незыблемыми, открывает уникальную возможность понять сущность многих фундаментальных социальных процессов, включая кризисы. Конечно, такое понимание сегодня дается непросто, когда на душу давит сопереживание миллионам человеческих трагедий. Но сама миссия исследователя диктует определенную дистанцированность. Да и знания, извлеченные из трагического опыта, все же какая-то компенсация за невзгоды.

Мир на пороге глобального кризиса

Масштабные, если не грандиозные общественные перемены, запущенные пандемией коронавируса, инициировали поток прогнозов. Представляется, что это только начало переосмысления самых оснований практически всех сторон социальной жизни. Импульс — все более отчетливая перспектива грандиозного по своим масштабам глобального экономического кризиса. Пандемия — лишь триггер, ускоряющий его приход, увеличивающий его масштабы.

Для того чтобы кризис приобрел, по В. Зомбарту и Й. Шумпетеру, характер созидающего разрушения, необходимо попытаться понять его существо. Без этого в результате неуместного вмешательства он станет разрушением без какого-либо созидания. Для примера можно вспомнить разрушение нашей золотодобывающей промышленности в 1990-х.

В профессиональных кругах формируется консенсус: грядущий кризис по своим масштабам и последствиям явно превзойдет кризисы 1990-х годов и начала нашего века и сопоставим с Великой депрессией.

Для этого есть серьезные основания. Прежде всего, объем взрывчатки — беспрецедентный рост задолженности в мире. Так, по данным Международного института финансов (IIF), общая задолженность населения, компаний, финансовых организаций и правительств всех стран в очередной раз обновила абсолютный рекорд — 255 трлн долл. США¹. Речь идет о 322 % глобального ВВП. Это на 40 % больше, чем перед кризисом 2008 г. В условиях пандемии многие страны, сталкиваясь с финансовыми трудностями, безоглядно пользуются кредитами МВФ.

Среди мировых финансовых экспертов консенсус: эти долги *никогда* не будут оплачены. Дискуссия лишь о форме кризиса, который их спишет. Неслучайно в сенате США появляются инициативы по избирательному дефолту бондов казначейства, принадлежащих КНР.

Спад экономик в условиях пандемии существенно снизил иммунитет многих государств, возможности их сопротивления одновременным требованиям обслуживания долгов, с одной стороны, и преодоления резко обострившихся социально-экономических проблем, с другой. К этому следует добавить и ухудшившуюся в связи с эпидемией социально-психологическую атмосферу во многих странах. Обыденность, являвшаяся оплотом привычной стабильности и, отчасти,

¹ Дембинская Н. Пороховая бочка: глобальный долг достиг 255 триллионов долларов // РИА Новости. 2020. 10 апреля. URL: <https://ria.ru/20200410/1569802973.html> (дата обращения: 18.10.2020).

радостей нескончаемого карнавала, быстро проблематизируется, пронизывается тревогой и катастрофизмом.

Но важнее то, что весь этот трясущийся социально-экономический и социально-психологический студень опирается на финансовую систему, которая сама готова рухнуть при серьезном тектоническом толчке.

Много десятилетий развитие глобальной экономики шло под диктовку инвестиционных корпораций, создававших сложную систему финансовых инструментов, все более отрывавшихся от фундаментальных процессов реальной экономики. Инструменты, призванные регулировать и стимулировать реальные социально-экономические процессы, как шварцевская тень, обрели собственную логику и превратились в источник рисков и катастроф для глобальной и национальных экономик.

Лопнувший пузырь ипотечных облигаций в США в 2007 г. (subprime mortgage crisis), приведший к глобальному финансовому кризису, — просто праздничные детские шарики по сравнению с надувшимися сейчас пузырями. Сегодня национальный (даже крупный корпоративный) дефолт по неподъемным долгам может оказаться детонатором гигантского взрыва.

Осознание опасности уже побуждает национальных лидеров к неординарным действиям. Так, смена курса Д. Трампа, повернувшегося к регулированию глобального производства нефти, обусловлена не столько заботой о судьбе независимых производителей сланцевой нефти, сколько тревогой об устойчивости щедро кредитовавших их региональных банков. Сегодня крах нескольких таких банков способен запустить домино национального, а затем и мирового банковского кризиса.

Учитывая, что из всех глобальных долгов почти треть приходится на Америку, любое потрясение ее финансового сектора неизбежно ведет к скатыванию мира в глубокую катастрофу, потрясающую самые основы сложившейся системы. В Китае, долгое время двигавшем глобальный экономический рост, на региональном и корпоративном уровне также накопилось немало взрывоопасных долгов. На КНР и США приходится 60% прироста глобального долга.

Это подтверждает тезис, что грядущий кризис можно сопоставлять лишь с Великой депрессией прошлого века. Совсем не только коммунисты писали тогда, что мир стоит на пороге краха капитализма как такового. Целые государства окажутся банкротами и не смогут поддерживать свою социальную инфраструктуру. Это — как сильно гипертрофированные наши 1990-е. Сотни миллионов лишатся работы и окажутся на грани голода.

Сходство прошлого и грядущего кризисов не только в их разрушительной глубине, но и в том, что оба они рубежные, завершающие целый этап мирового экономического, более того, цивилизационного развития. Тот кризис покончил с диким капитализмом, с наплевательским отношением к социальным правам. Послевоенное строительство социальных государств в Европе — результат того, что призрак Великой депрессии, как призрак отца Гамлета, все время напоминал о себе.

Вероятнее всего, грядущий кризис приведет к краху казино-капитализма с его отрывом финансов от реальной экономики. Но важно понять, что рушит грядущий кризис и что может стать опорой восстановления.

Такое понимание — необходимое (к сожалению, недостаточное) условие для того, чтобы кризис не приобрел необратимо разрушительного характера. Важным

стимулом для понимания является еще живая память об издержках тотального кризиса 1990-х.

Пузыри идеологизированного доверия — взрывчатка под институтами

Для того чтобы проложить дорогу к лучшему, посткризисному миру, важно понять подлинные причины грядущего кризиса и создать инструменты для ее проектирования.

Среди исследователей проблем социально-экономического развития сложился концептуальный консенсус относительно ключевой проблемы, решение которой обуславливает качество и темпы этого развития (см. подробнее [Дискин, 2016]). Это социальные институты: есть институты — появятся и технологии, и финансовые ресурсы.

Дуглас Норт рассматривает институты как совокупность «правил, механизмов, обеспечивающих выполнение социальных, экономических и политических взаимодействий и норм поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми» [North, 1990: 239].

Только в плохих учебниках кризис — это про деньги и интересы. На деле кризис — прежде всего про институты и еще больше про ценности. Впрочем, процесс взаимный. Великий историк Уильям Мак-Нил в своих книгах «Восхождение Запада» и «Эпидемии и народы» показал эти взаимосвязи [McNeill, 1976; Мак-Нил, 2004]. Сэр Артур Конан Дойл в «Белом отряде» также рассказал о том, как эпидемия чумы, выкосившая треть Англии, повысила стоимость рабочей силы и тем самым изменила всю систему общественных отношений, включая экономику, Англии. Уместно отметить, что так был запущен процесс рационализации всех сторон жизни, получивший завершение в период Реформации.

Сегодня же, по вполне объяснимым методологическим и теоретическим причинам, даже не обсуждается связь между неустойчивостью современной финансовой системы и фундаментальными дефектами институтов, лежащих в основе этой системы.

Вроде бы все согласны, что в основе современной финансовой системы лежит высокий уровень доверия к существующим финансовым институтам, ко всей глобальной финансово-экономической системе. Более того, вся институциональная система обобщенного Запада, ее легитимность и функциональность покоятся на всеобщем убеждении в том, что эта система пользуется хотя бы пассивным, но устойчивым доверием большинства.

Пока это доверие не подвергается испытаниям, граждане соблюдают законы и платят налоги, покупают ценные бумаги, обеспеченные, по существу, лишь этим самым убеждением.

Предпринимаются теоретические и пропагандистские усилия по упрочению этого терминального доверия. Например, перед самым кризисом доткомов признанные гуру также уверяли, что Америка вошла в новую экономику, избавленную от кризисов.

Система действительно устойчива и функциональна, пока против нее выступают лишь маргиналы. Более того, маргинальный статус оппонентов системы только укрепляет ее устойчивость.

Но взрыв повседневной убежденности в надежности системы запускает финансовые кризисы: изъятие депозитов, продажи облигаций и акций, обрушение цен активов, неплатежи, крах бизнесов, безработица и нищета. Проблематизация устоев повседневности — триггер тектонических институциональных толчков. **В этом смысле экономический кризис — лишь проекция институциональных потрясений и базовых ценностных сдвигов.** Соответственно, анализ противоречий, лежащих в основе глобального кризиса, — предмет прежде всего институциональной социологии.

Сегодня, в условиях пандемии, мы ясно видим, что повседневная устойчивость институтов подвергается атакам. Налицо противоречие между сложившимися за десятилетия нормами повседневности и противоинфекционными требованиями государственных институтов, исходящих из иной, кажущейся чужеродной, рациональности. На это указывает, прежде всего, массовое во многих странах игнорирование требований карантина.

Оказывается, провален тест устойчивости всей системы западных институтов. Проблематизация основ повседневности обнажила также ее базовые ценности — свободу и индивидуализм. Повседневность оказалась тесно связанной с ее структурными предпосылками: историей, культурой и, конечно же, идеологией. Оказывается, что ее трудно вырвать из «больших нарративов», можно лишь замаскировать их связь.

Проблемы доверия совершенно не случайно вышли в последние десятилетия на авансцену социального дискурса². Но при этом вне анализа оказалась проблема связи сложившейся системы доверия к наличной финансово-экономической системе, с одной стороны, и парадигмальных ценностных ориентиров, доминирующих и в обществе, и в мейнстримной социальной науке, с другой.

Главная методологическая причина такого положения, как представляется, кроется в том, что мейнстримная социология категорически не хочет выявления своей имманентной связи с априорным признанием ценностей либерализма в качестве основания для своих методологических и теоретических построений. Какая-либо проблематизация соответствующих оснований просто блокирована самой системой мейнстримного дискурса. Например, в структуре Международной социологической ассоциации не находится места для социологии институтов и социологии государства (социология организации, конечно, есть).

По свидетельству Б. Эггера, в мейнстримной исследовательской практике как бы незримо присутствует основной принцип позитивизма, согласно которому «можно рефлексировать мир без предпосылок, без вторжения философских и теоретических положений» [цит. по: Алиева, 1995: 111].

Такое положение совершенно не случайно. Любые попытки соответствующей методологической рефлексии привели бы к вопросу о том, в какой мере априорно принимаемые исследователями ценностные конструкции реально соответствуют ценностным основаниям индивидов и их сообществ. Долгое время эта методологическая проблема не вела к существенным последствиям в плане релевантности результатов социологических исследований. И исследователи, и респонденты

² Доверие, например, было в центре обсуждения Гайдаровского форума 2020 г.

находились в рамках стандарта примерно схожих представлений. Стандарты социально одобряемого поведения, задаваемого всей системой социализации Запада (от школы до истеблишментных СМИ), обуславливали формирование их общих рамок.

Фундамент этого стандарта был заложен в ходе Великой демократической революции, начавшейся во Франции в 1968 г. Эта революция разрушила многие обветшавшие нормы и представления, поставила в качестве фундамента общества обновленные ценности либерализма, индивидуализма и демократии.

Но затем в течение полувека в западном обществе шел процесс радикализации этих ценностей, превращения их в «гражданскую религию». Нужно оговориться, автор здесь не критикует подлинных либералов и демократов, страдающими, часто даже своей жизнью плативших за приверженность высоким идеалам свободы и народовластия. Мы оппонируем «псевдолиберализму», извратившему изначально высокие и сохраняющие свое значение ценности.

Примечательно, что в разработке и продвижении по миру догматов этой «религии» приняли активное участие бывшие троцкисты, сменившие лозунги мировой пролетарской революции на мировую «либеральную».

Религиозный статус «псевдолиберализма» обусловил запрет на какую-либо критику его ценностных оснований. Были делегитимированы и дегуманизированы ценности консерватизма. Под сомнение — как антигуманные — были поставлены даже прежние вполне истеблишментные ценности рационализма и эффективности. Один из признанных гуру социологии повседневности М. Маффесоли противопоставляет дионисийской культуре (подлинно человеческой в его понимании) собственную метафору культуры «прометеевской». Для нее типичны ценности прилежной работы, изобретения, прогресса, универсального продуктивизма, столь соответствовавшего духу эпохи великих открытий [цит. по: Алиева, 1995: 115]. И это притом, что именно эти ценности и самый дух эпохи великих открытий обеспечили «восхождение Запада», его победу в глобальной конкуренции институтов.

Более того, в рамках борьбы с «большими нарративами» были поставлены под сомнение не только марксизм, но и структурализм. Так, даже Талкотт Парсонс был подвергнут критике как теоретик — сторонник *status quo*.

Ценности «псевдолиберализма» были противопоставлены любым структурам, ориентированным на социальную интеграцию. Само понятие *социальная интеграция* оказалось выброшено из лексикона мейнстримной социологии. Пандемия же властно напомнила о проблемах обществ с ослабленной социальной интеграцией и дефицитом институционального регулятивного воздействия. Другим измерением этого же процесса стал кризис социальной интеграции значимой части афроамериканских сообществ, преодоление которого адепты гражданской религии предлагают через всеобщее покаяние белых за создание общества системного расизма.

Религиозно-идеологическая атака на массовое сознание Запада привела к хорошо известному нам двойному сознанию. На поверхности все (или почти все) придерживаются официальной «либеральной» идеологии. Этот феномен, основанный на нормативном статусе вполне определенного социально одобряемого поведения, обеспечивал самоподдержку доминирующим социальным теориям. Ну как здесь не вспомнить о концепции А. Грамши, что культурная гегемония

буржуазии — залог ее политического господства. «Государство — это вся совокупность практической и теоретической деятельности, посредством которой господствующий класс оправдывает и удерживает свое господство, добываясь при этом активного согласия руководимых» [Грамши, 1980: 128]. Но я сам был свидетелем, как в Америке в барах и на задних дворах при жарке барбекю многие клянут эти самые ценности, которые оскорбляют их нравственные чувства, религиозные и культурные традиции.

Победа Д. Трампа и его единомышленников в Европе — триумф тех, кто восстал против этого идеологического гнета. По своему накалу и методам борьбы это уже религиозные войны, а не политическая конкуренция.

Еще одним фактором, подрывающим фундамент западных институтов, стал слом традиционной системы статусов. Тотальная атака на эту систему была одной из задач Великой демократической революции. Это было не созидательное разрушение, не формирование новых, эффективных оснований системы статусов, а ее тотальное разрушение. Популярность стала важнее профессионализма и ответственности. Речения звезд и прочих селебритис важнее компетенций. Социальные сети лишь расширили и закрепили этот процесс. Политика сегодня — всего лишь разновидность шоу-бизнеса.

В результате разрушения признаваемой системы профессиональных статусов ослабляется легитимность системы институтов Запада, да отчасти и наша собственная. Заметно стремление заполнить этот вакуум легитимности путем отвлечения людей от рациональной рефлексии характера институционального функционирования.

Заметим, тотальное недоверие к каким-либо авторитетам — важная причина краха движения «оранжевых жилетов». Это, конечно, хороший знак для тех, кто опасается спонтанных, идущих снизу революций, но он же плох для сторонников эффективного институционального функционирования. Доверие к институтам лишилось своей прежде прочной основы — рациональной оценки практикой и ответственности интересам. Результат — сужение возможности принятия рациональных, но не всегда популярных решений. Доверие все больше основывается на сложившейся инерции эмоционального климата. Этот климат может и не устоять перед взрывом устоев повседневности.

Еще одна причина разрушения институционального фундамента — слом действовавшей много столетий системы интеграции ценностей и социальных интересов. Собственно, наличие такой интеграции и стало причиной выдвигания монистических социологических конструкций. Практика убедительно показывала прочную склейку ценностей и интересов. Марксисты отстаивали примат интересов и указывали на то, что они задавали вполне определенные идеологические ориентиры. Веберианцы же, напротив, указывали, что определенные религиозные и в целом ценностные ориентиры задавали рамки интерпретации интересов.

Были попытки преодолеть этот теоретический раскол. Так, Эдуард Бернштейн первый указал, что признание роли интересов — важнейший вклад марксизма в социальную теорию. Он же показал, что ценностные и нравственные аргументы буквально пронизывают все работы Карла Маркса и Фридриха Энгельса [Бернштейн, 1902: 61]. Но все его попытки интегрировать обе магистрали соци-

альной мысли были отброшены, прежде всего, его «родными» марксистами. Как представляется, дело было не столько в примиренчестве Бернштейна с идеализмом Макса Вебера, сколько в декларированном им выводе о возможности не революционного, а эволюционного преобразования общества. В первую очередь — выводе о значении духовно-нравственного воспитания общества, на котором настаивали авторы «Вех», ряд из которых прошли серьезную марксистскую теоретическую выучку.

Следует обратить внимание, что процессы интеграции ценностей и интересов не ограничивались доктринальными и теоретическими усилиями. В течение длительного времени в Европе и в Америке действовали специализированные институты, обеспечивавшие такую интеграцию. Здесь примечательно то внимание, с каким изучал Америку («страну ассоциаций») Алексис де Токвиль [Токвиль, 1992]. Он показал значение сети разного рода ассоциаций, которые стали инфраструктурой американского гражданского общества и обеспечивали функционирование демократии. Здесь важно подчеркнуть, что эти ассоциации, прежде всего религиозные сообщества, обеспечивали не только этическую ориентацию своих членов, но, что не менее важно, служили институтами социальной интеграции.

Так, сначала церковь, а в Новое время салоны, политические клубы, позже — уже и политические партии обеспечивали систематическую интеграцию ценностей и интересов. Но затем в массовых партиях хвост стал вертеть собакой. Характер массового сознания низов, электоральные нужды все время снижали роль рациональных, связанных с интересами аргументов и, напротив, повышали эмоционально-аффективную составляющую агитации.

Апофеозом этого процесса стали политические течения, основанные на обращении к обостренным чувствам низов, прежде всего к их неприязни, если не к ненависти к истеблишменту. Примеров несть числа. Самый известный — призыв Д. Трампа «осушить вашингтонское болото».

Феномен отрыва в массовом сознании значимых ценностей от социально-экономических интересов хорошо знаком россиянам. Научно-техническая интеллигенция была тараном, сокрушившим советскую систему, но она же стала жертвой своей победы, лишившись своего статуса, гарантированных доходов и возможности заниматься любимым делом. Ценности подмяли жизненные интересы.

Институциональная система Запада, да и наша собственная, лишились прежде прочной опоры — рефлекслируемых социально-экономических интересов, подкрепленных живыми ценностями и традициями.

В результате всех этих процессов пузырь доверия к институтам все более истончался. В результате сложилась гетерогенная по своим основаниям социальная структура. В ее рамках одни слои и группы ориентируются преимущественно на интересы. При этом влияние ценностей на их позиции либо слабо, либо они носят циничный, нигилистический характер. При их характеристике уместна веберовская критика целерационального поведения.

Другие слои и группы ориентированы преимущественно на традиции и ценности, зачастую в их аффектированном и, соответственно, радикализованном виде. Здесь налицо модели традиционного или аффектированного социального действия, в которых рациональность играет ограниченную роль.

Эта гипотеза об основаниях социальной структуры, безусловно, требует эмпирической верификации в рамках целой программы социологических исследований.

Рассмотренные выше социальные процессы существенным образом подточили институциональную систему обобщенного Запада. **Главный ее дефект — идеологически надутые пузыри доверия к его основным экономическим, политическим и социальным институтам.**

Идеологически надутые пузыри доверия, лишенные прочных оснований в виде интегрированных ценностей и интересов, устойчивой системы социальных авторитетов, могут оказаться прорванными в результате атаки на них в виде взрыва системы повседневности. Люди, лишенные привычных ориентиров в результате проблематизации всех компонентов повседневности, при отсутствии более глубоких опор в виде прочно интериоризованных ценностей и рефлекслируемых интересов, легко превращаются в массу.

Важным свойством этого процесса является схлопывание массового сознания до одной доминирующей ценности первого порядка. Характеризующий признак таких ценностей (патриотизм, свобода, справедливость и т. п.) — невозможность какого-либо сомнения в их абсолютном статусе. Эти ценности из нравственно-этических ориентиров превращаются в источник массового социального аффекта, в предмет псевдорелигиозного поклонения. Здесь оказываются отброшены любые рациональные калькуляции выгод и потерь, вопреки замечательным теоретическим построениям Ч. Тилли [Тилли, 2019].

Революционные эксцессы — результат взрыва привычной повседневности. Участвующие в них люди, вырванные из этой своей повседневности — до того, как они оказались втянутыми в водоворот страстей, даже помыслить не могли о подобного рода действиях.

Эти соображения важны для рассмотрения процессов, которые могут возникнуть, когда лопнут идеологически надутые пузыри доверия ко всей институциональной системе Запада. Да и нам, пусть и специфической, но все же части западной цивилизации, есть над чем задуматься.

Разломы институтов, опоры и ловушки их созидания

При обсуждении процессов разрушения и условий созидания институтов важно, прежде всего, понимание существа разломов, по которым идет такое разрушение.

Обрушение институтов всегда связано с утратой легитимности норм и правил, способных реально регулировать отношения в обществе. Одновременно (или даже прежде того) утрачивают легитимность инстанции, обладающие правом устанавливать эти нормы и правила. Именно поэтому так значимо разрушение системы авторитетов и статусов, основанной на компетенциях и реальных достижениях в областях, значимых для функционирования системы институтов.

Значимый риск этого процесса обрушения связан с тем, что зачастую он становится самоподдерживающим, по аналогии с цепной реакцией, и неоднородным — как в пространственном, так и структурном измерении. Здесь сказывается влияние отмеченного выше массового социального аффекта. Собственно, два краха великого государства в XX веке — хорошая иллюстрация такого процесса.

Условие — утрата значения, точнее регулятивного влияния тех ценностей, которые лежали в основании легитимности. Обрушение институтов идет до их фундамента. Многим памятна времена, когда у нас обрушение дошло до того, что главными регуляторами стали приснопамятные «понятия».

Важно не только брезгливо отбрасывать «понятия» как возможность приемлемого регулирования, но и понять, что это была устойчивая институциональная система, вполне адекватная нравственному кризису того времени. Именно такой кризис породил ситуацию, когда снижение роли (или вовсе отсутствие) санкций за нарушение норм ведет к тому, что в выигрыше оказываются акторы, не обремененные нравственно-этическими ограничениями.

Соответственно, в условиях кризиса радикальная проблематизация всех оснований повседневной жизни снижает регулятивные возможности прежде значимых ценностей и, соответственно, основанных на этих ценностях институтов. Но анализ этого процесса может открыть дорогу к пониманию тех ценностей, которые способны стать фундаментом новой институциональной системы.

Для того чтобы открыть такую дорогу, важно избежать доктринальных ловушек, которые уводят в тупики. Такой ловушкой в свое время стала всеобщая убежденность в том, что процессы социальной трансформации обязательно ведут к формированию эффективной системы либеральных институтов. Даже не обсуждался вопрос о взаимном соответствии ценностей, необходимых для функционирования таких институтов, с одной стороны, и ценностей и норм, выступающих регуляторами социальной жизни, с другой. Здесь сказалась наивная вера как в неизбежные благие плоды общественного прогресса, так и в не менее наивный либеральный догматизм, в то, что «все мы разумные люди и будем вести себя, как требует закон».

Жизнь выступила жестким критиком этих заблуждений, заставив заплатить за них высокую цену разгула коррупции и nepотизма. Генезис постсоветской системы институтов пошел по пути использования не универсальных, но партикулярных ценностей и норм. На основе традиционных, высокозначимых для нашего общества ценностей родственных связей, прочных дружеских отношений, сложившихся во время совместной учебы, работы и тем более службы, складывались прочные цепочки доверия, которые становились опорой новой институциональной среды³. В рамках подготовки монографии «Институты: загадка и судьба» ВЦИОМ провел целую серию фокус-групп, которые подтверждают гипотезу о высоком регулятивном влиянии партикулярных ценностей [Дискин, 2016].

Другой линией разлома институциональной среды является «двоемыслие» — разрывы между социально одобряемыми ценностями и представлениями, с одной стороны, и укоренными, высокозначимыми массовыми ценностями и представлениями, выступающими основаниями для мотивов и стимулов социального действия, с другой. Так, академик Т. И. Заславская указывала на эту проблему: «эффективность общественных институтов во многом зависит, во-первых, от степени соответствия формально-правовых норм неформальным социокультурным нормам, во-вторых, насколько реальные практики соответствуют формальным и неформальным нормам» [Заславская, 2004: 116].

³ Подробнее об адекватной модели социальной трансформации и институциональном генезисе см. [Дискин, 2019].

Проблема здесь в том, что инерция повседневности делает эти ценности и представления латентными, дремлющими. Кризис, обрушение привычной институциональной среды, срывающее оболочку повседневности, жестко проблематизирует эти ценности и представления, ставит под вопрос сами смыслы жизненного существования. Замечательным примером такой проблематизации стали лозунги митингов в ряде городов США против норм коронавирусной изоляции: «Give me freedom, or give me death!»⁴.

Эта линия разлома ставит целый ряд ловушек.

Первая, методологическая, связанная с уже отмеченной выше попыткой строить систему институтов, опираясь на доктринально сформированную систему ценностей, норм и представлений. Это путь идеологического надувания пузырей доверия. Доверия, лишённого прочной опоры на укоренённые ценности и традиции.

Выход из нее, как ни парадоксально это звучит, в возвращении к истокам либерализма, с его толерантным признанием как религиозного, так и в целом ценностного плюрализма. Необходим отказ от «псевдолиберальной» гражданской религии, переход к признанию возможности строить институты с опорой на ценности, характерные для конкретных социальных акторов, вовлечённых во взаимодействие с этими институтами.

Соответственно, финансово-экономические институты будут социальной средой для рациональных активистов. Институты, связанные с гуманитарными сторонами социальной жизни, будут базироваться на ценностях, традиционно связываемых с «человеческим измерением», с ценностями, изучаемыми в рамках социологии повседневности.

Это предполагает изучение не только социально одобряемых, парадных ценностей, но и выявление латентных ценностей и норм, способных стать опорой обновляемых социальных институтов.

Вторая ловушка — прочная историческая традиция «революционности», связывающая институциональные преобразования с фундаментальными, чаще всего радикальными политическими преобразованиями. В основании этой традиции, широко распространённой в мире, но ещё больше укоренённой в нашем социально-политическом сознании, лежит тезис, что глубокие преобразования институтов просто невозможны без кардинальных политических преобразований. Эта логика делала революционные преобразования не только легитимными, но и просто необходимыми.

Следует оговориться, что иногда глупость властвующих элит, их неспособность оценить социально-политические реалии, ответить на насущные запросы наиболее активных и влиятельных групп, их попытки заменить назревшие реформы ретроградными заклинаниями не оставляют другого пути ухода от национальной катастрофы, кроме революции. Но чаще идеологически вменённый синдром революционности толкает дезориентированные активные массы к радикальным действиям даже тогда, когда ещё остаются реальные возможности диалога между властью и обществом, для проведения реформ.

⁴ Дай мне свободу или дай мне смерть! (пер. с англ. авт.)

При этом, как это всегда бывает с масштабными социальными процессами, реальные проблемы, порождающие исходное недовольство, оказываются отброшены. В массовом сознании начинают доминировать ценности первого порядка, специфика которых как раз и связана с невозможностью любых дискуссий относительно их статуса. Любые прагматические резоны отбрасываются ради воплощения здесь и сейчас норм, порождаемых этой ценностью. Кризис становится тотальным, угрожающим самому существованию общества.

Собственно, в силу этого «термидор» является терминальной стадией практически всех революций. Он жестко завершает их аффектированную манифестацию, возвращает в повестку дня создание рамок повседневности. Возрождение массового покоя ослабляет питательную среду революционного натиска, и он угасает. Пример — кардинальная смена общественного климата в период НЭПа, ставшая трагедией для многих революционеров.

Для нас эта ловушка значима потому, что длительное время революция имела преимущественно позитивную коннотацию. В нашем массовом сознании революция не менее, если не более легитимна, чем реформирование.

Сегодня, в условиях надвигающегося кризиса, все слышнее голоса «буревестников революции». Их призывы могут получить отклик в средах, где ослаблены тормоза рефлексии собственных интересов, где кризис усиливает аффект — реакцию на взрыв повседневности.

Чаще всего ряды этих «буревестников» пополняются теми, кто не нашел своего места в системе власти или уже покинул ее (чаще всего не по своей воле). Для них характерен недостаток профессионализма и ответственности, способности практически участвовать в созидании. Но желание сохранить свой статус, накачанный медийной популярностью, толкает их к радикализму, к заигрыванию с популистскими инстинктами масс.

«Буревестники революции» — часть более широкой коалиции «пораженцев» — «торговцев страхом», намеренно преувеличивающих наши проблемы и трудности, завышающих риски преобразований. Их усилия, подкрепленные активностью в СМИ, оказывают большое влияние на массовое сознание. **Поражение «пораженцев» — необходимое условие поддержания основ действующей институциональной системы.**

Обывателям, бездумно рассчитывающим посмотреть со стороны за разрушением «отвратительной системы воров и жуликов», уместно напомнить об издержках такого разрушения в 1990-х, вполне соизмеримых с потерями в результате большой войны.

Третья ловушка, теоретическая, тесно связанная с первой, основана на жестком противопоставлении социологии институтов и социологии повседневности. В рамках мейнстримной социологии возникла конвенция: «социологичен тот тезис, в котором артикулируется его принадлежность к одной из двух социологий и не делается попыток конфляции»⁵ (от лат. conflatio — сплавление). Исходная позиция сторонников этого тезиса вполне понятна: нельзя смешивать нормативные представления о должностовании, на которых сфокусированы исследователи

⁵ Бумагин Р. Вирус и институты. Часть 1 // коронаФОМ: Фонд «Общественное мнение». 2020. 21 апреля. URL: <https://covid19.fom.ru/post/virus-i-instituty-chast-1> (дата обращения: 18.10.2020).

институтов, и «то, как люди ведут себя в повседневности. Здесь уже реальные живые люди, обладающие телом, находящиеся здесь и сейчас, и движимые смыслом, определением ситуации, как-то себя ведут. И это их реальное действие может сильно отличаться от того, что предписывается плакатами или классической литературой»⁶.

Но сторонники такого противопоставления закрывают дорогу для социологического изучения отмеченного выше институционального разлома, расхождения между нормами социально одобряемого поведения, с одной стороны, и реальными регулятивными условиями, с другой. Табуировать предмет изучения, вместо того чтобы создать теоретические основы этого изучения, — сомнительная позиция.

В чем же причина такого табуирования? Исследования рассогласований между социально одобряемыми ценностями, с одной стороны, и ценностными основаниями, формирующими среду «реального действия», с другой, как представляется, могут привести к сомнениям в релевантности оснований, на которых покоится вся социология повседневности. Но забота о теоретическом целомудрии сторонников обсуждаемого противопоставления — вряд ли достаточное основание для того, чтобы оказаться в ловушке, препятствующей институциональному генезису.

Уход от этой ловушки требует адекватного теоретического и эмпирического ответа. Нужна программа социологических исследований, сфокусированных на проблеме взаимодействия и противоречий между нормами социального действия, обусловленными регулятивными требованиями определенных институтов и практиками повседневности.

Еще одна ловушка для обновления институтов — популизм. Популизм в условиях пандемии цветет пышным цветом. Отрицания самой пандемии или рекомендации чудодейственных лекарств создали не лучший фон для рационального и ответственного поведения людей.

Расцвет популизма вполне объясним в условиях доминирования «бессердечной» бюрократии, замороженной доктринально сформированными представлениями об эффективности институтов. К этому добавляется необходимость оперативного принятия решений, просто взрывающих нормы повседневности. Но ситуация усугубляется тем, что слишком многие представители бюрократии зачастую лишены даже самого элементарного сочувствия людям, их страданиям и переживаниям. В результате формируется отчуждение многих людей от институциональной системы в целом. Они становятся легкой добычей «буревестников революции». И это притом, что реформы требуют легитимации институциональных норм.

В такой ситуации популизм, с его обращением к остро проблематизированным ценностям, с простыми, но ложными ответами на насущные проблемы — высокий барьер на пути институционального обновления. Так, например, высокое значение социальной справедливости обуславливает распространение популизма, эксплуатирующего эту ценность. Чаще всего это какие-либо изводы левых доктрин. Но следует также иметь в виду и риски популизма, эксплуатирующего ретроградные заклинания, выдаваемые за консерватизм. Подлинных консерваторов, в отличие от ретроградов, заботит обращение к глубоко укорененным и живым традициям

⁶ Бумагин Р. Вирус и институты. Часть 1 // коронаФОМ: Фонд «Общественное мнение». 2020. 21 апреля. URL: <https://covid19.fom.ru/post/virus-i-instituty-chast-1> (дата обращения: 18.10.2020).

для решения проблем на деле, а не к иллюзиям, якобы ведущим к национальному величию России. К решению наших реальных проблем ведет, как уже отмечалось, рост эффективности социальных институтов, способных на адекватный ответ реальным вызовам, на победу во все более жесткой глобальной конкуренции.

Ориентиром, позволяющим избежать обсуждаемые ловушки, является проблемный подход. В его основе предназначение института — решение вполне определенной социальной проблемы. Ясное осознание стоящей проблемы, связь между постановкой проблемы и институциональными средствами ее решения — залог успеха.

Пока цель попечения детей, лишенных родителей, — одеть, обуть, накормить, дать минимальный уход, решением были детские дома. Как только цель сменилась и в фокусе оказалась социализация детей, сразу появились такие средства, как семейные детские дома, расширение возможностей усыновления и т. п.

Другой пример — ЕГЭ. Можно его сколько угодно критиковать, но трудно придумать иные механизмы, когда для независимой оценки знаний невозможно задействовать педагогический персонал, непосредственно взаимодействующий с проверяемыми. Честное признание существования проблемы — необходимое условие ее институционального решения.

О субъекте искомого генезиса

Главный вопрос в этой связи: кто все это будет делать, кто способен справиться со всеми этими ловушками, сменить административно-бюрократический подход на проблемный, придать «человеческое» измерение всему процессу институционального генезиса?

Прежде всего, необходимо сформулировать требования к субъекту этого генезиса, рамки которых задаются как характером кризисных разломов, так и рассмотренными выше ловушками. В качестве такого субъекта вряд ли может выступить государство в его сегодняшнем, неизменном виде. Сложившиеся процедуры государственного управления обуславливают административно-бюрократические стереотипы, кардинально расходящиеся с требованиями проблемного подхода.

Здесь важно, что рассмотрение проблемы, предшествующее проектированию института, требует анализа комплекса позиций, мотивов, ценностей и интересов всех вовлеченных в нее акторов. Это — критерий подлинно проблемного подхода. Тогда понятно, что проблемный подход — профилактика и «бессердечного технократизма», и популизма. Он также — против надувания пузырей доверия. Вопрос — кто способен его реализовать?

Технократически ориентированная бюрократия совсем не готова к такому широко социальному подходу. Такой постановки нет даже при подготовке новых лидеров. И это притом, что сам факт такой подготовки — гигантский шаг вперед по сравнению с прежними номенклатурными и лоялистскими подходами.

В прежние времена проблемный подход формировался у части политиков, которые обладали стратегическим видением, и экспертов, призванных подкреплять такое видение. Существовали соответствующие теоретические и методические средства. Но охарактеризованные выше процессы размыли спрос на подобное видение. Попытки отдельных политиков не только встречали сопротивление

в бюрократической среде, для которой такой подход был «не по уму», но и не получали отклика в средах, вроде бы ориентированных на стратегическое планирование. Происходило самоподдерживаемое затухание проблемного видения. И это не только у нас.

Иллюстрация — история программно-целевого планирования в США. Д. Макнамара, обладавший в 1960-х годах огромным авторитетом, немислимыми усилиями протолкнул систему программно-целевого планирования PPBM (programming, planning, budgeting, management) в качестве стандарта для бюджетирования сначала в Министерстве обороны, а затем и в государственной системе в целом. Но постепенно, шаг за шагом, бюрократия, крайне недовольная сокращением своих лоббистских возможностей и ограничением манипуляций, оставила от нее лишь оболочку.

Ровно это же произошло и с нашими попытками программно-целевого планирования. Разница лишь в том, что в отличие от американцев в наших бюджетных программах даже не пытались формировать цели на основе проблемного подхода. Исполнители просто брали их из головы. Автор не раз указывал на декоративный характер наших бюджетных программ. То, что это секрет Полишинеля, подтверждается высказыванием на заседании Общественного совета при Министерстве экономического развития РФ⁷ его председателя В. А. Мау: «бюджетные программы — это фикция».

Предшествующее обсуждение обуславливает еще одно требование к субъекту — отстаивание общественных интересов. Следует обратить внимание, что проблема общественных интересов, выстраивание системы их интегрального и инструментального выражения сегодня даже не предмет постановки и обсуждения в «верхах».

В результате на деле главный их выразитель — Минфин, готовящий федеральный бюджет, призванный быть инструментом выражения этих интересов. Это совсем не случайно при доминировании бюрократии. Парламент, призванный представлять и обобщать такого рода интересы, лишь лоббист регионов и корпораций, слегка корректирующий показатели второго или третьего уровня.

Такая система обладает ограниченной целевой ориентацией, насущной в условиях кризиса. Мы видим, как нужда кардинально модифицировала иерархию институтов в условиях борьбы с инфекцией. Содержательные проблемы и показатели вышли на первый план. Минфину вернули его законный функционал. Президент продемонстрировал субстанционально присущую ему роль выразителя фундаментальных государственных и общественных интересов⁸.

Так, уже сегодня наметились ориентиры институциональной подготовки к грядущему кризису. Они связаны в первую очередь с более широким анализом общественных интересов, с активизацией общественно-политического диалога в отношении их инструментального определения.

⁷ Автор — член Общественного совета при Министерстве экономического развития РФ.

⁸ В ходе «нулевого чтения» в Общественной палате РФ по поправкам к Конституции автор предлагал внести в нее субстанциональное определение: «Президент РФ выражает фундаментальные интересы государства и общества». Более того, академик Т. Я. Хабриева поддержала эту идею с комментарием, что «было бы желательным протянуть идею общественных интересов через всю Конституцию».

Представляется вполне обоснованным, чтобы президент в своем ежегодном Послании формулировал бюджетные приоритеты и соответствующие целевые параметры. Это стало бы продолжением линии, заложенной в Указе Президента России «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 21 июля 2020 г. Такая логика выражения общественных интересов закрепила бы также роль президента в рамках системы стратегического планирования.

Можно полагать, что крайняя нужда, угрозы и риски грядущего кризиса станут стимулом для высшего руководства страны к продолжению поисков адекватных средств институционального генезиса.

Но здесь новый барьер — их легитимация. Поддержки элитных группировок явно недостаточно, так как они не слишком влияют на регулятивную роль создаваемых институтов. Для легитимации также недостаточно пассивного «одобрямса» большинства, который легко может смениться эмоциональным недовольством и даже протестами. Для легитимации институтов в условиях кризиса нужна более устойчивая опора.

В качестве отправной точки можно использовать концепцию «ответственного класса»⁹. Здесь следует обратить внимание на легкость, с которой ряд аналитиков обращается с понятием «класс». Появляются концепции, когда определенные слои и группы называются классами, хотя они не только не «класс для себя, но даже и не класс в себе». Яркий пример — «креативный класс». Можно согласиться с гипотезой о наличии у соответствующих слоев общего функционала, но они не обладают общностью социально-экономических интересов, ценностей, норм и представлений.

Чтобы отграничиться от такого рода построений, было предложено определение: «ответственный класс» — сообщество активных и ответственных граждан, осознающих свою гражданскую миссию, ответственность за судьбы страны, государства и общества. Сообщество граждан, делом доказавших свою профессиональную и нравственную состоятельность, готовых принять на себя ответственность и за собственные активные действия, и за положение дел в стране и в обществе¹⁰.

«Ответственный класс» призван формировать интегрированную систему общественных интересов, выявлять возникающие коллизии и противоречия, совместно с государством вырабатывать адекватные решения, продвигающие к успеху.

Из приведенного определения «ответственного класса» видно, что этот субъект вполне отвечает сформулированным выше критериям и требованиям обеспечения регулятивной роли институтов. Он способен также стать ориентиром социально одобряемого поведения большинства, с одной стороны, и опорой легитимности санкций за их нарушение — с другой.

Следующий уровень проблем — наличие ресурсов формирования «ответственного класса». Основой этого формирования является консолидация «субэлитных»

⁹ Концепция «ответственного класса» была разработана в рамках Специального доклада ОП РФ, подготовленного возглавляемой автором Рабочей группой. См.: Специальный доклад Общественной палаты РФ «Российский прорыв и задачи гражданского общества» // Общественная палата Российской Федерации. 2019. 4 ноября. URL: <https://www.oprf.ru/documents/2705/newsitem/52411> (дата обращения: 18.10.2020).

¹⁰ Там же.

групп. Эти группы не наделены прямыми властными полномочиями, но обладают определенным социальным статусом и характеризуются способностью к рациональному и ответственному анализу ситуации. В этом смысле они отвечают требованиям совмещения рациональной рефлексии своих социально-экономических интересов и значимости для них нравственно-этических ориентиров.

Значение консолидации «субэлитных групп» кардинально возрастает в условиях кризиса. Мировой, да и отечественный опыт показывает, что в период острых социально-политических напряжений в «субэлитных» группах распространяются брожения, панические настроения, которые зачастую выступают триггером утраты уверенности даже позитивно настроенными элитами — уверенности в прочности как своего положения, так и своего влияния. Как показывает наша история, здесь таится угроза последующей деморализации всей социально-политической системы, утраты ее способности противостоять даже относительно слабому натиску.

В свою очередь, мнения и позиции этих групп, как правило, значимы для элит, влияют на принимаемые ими решения. По известному выражению Дж. Хигли, элиты могут делать лишь то, что им позволяют «субэлитные» группы. Они также авторитет и для более массовых групп и сообществ. В определенном смысле «субэлитные группы» — фундамент любых серьезных преобразований. Прочная поддержка преобразований «субэлитными группами» снижает вероятность того, что неизбежные временные недовольства и брожения в локальных средах перерастут в серьезные социально-политические риски.

«Субэлитные» группы — основа для формирования «ответственного класса» — достаточно широко представлены в институтах организованного гражданского общества. Соответственно, процесс консолидации «субэлитных групп» предполагает два измерения диалога в рамках гражданского общества.

Вертикальный диалог с высшими органами государственной власти по приоритетам стратегии и тактики преобразований, по адекватности проектов преобразований требованиям общественных интересов, запросам активных и влиятельных групп общества. Соответственно, условие успеха — участие в диалоге национального лидера. Этот диалог направлен на ограждение преобразований от обсужденных выше ловушек, на придание преобразованиям «человеческого измерения». Этот диалог позволяет существенно повысить самооценку его гражданских участников, стать значимым стимулом их консолидации. Его успех зависит от «респонсивности власти», без которой ее глухота обернется отчуждением от ее главной опоры [Дискин, Федоров, 2010]. Но решение этой проблемы требует соответствующего социологического мониторинга.

Горизонтальный диалог направлен на формирование «ответственного класса» как класса в себе, консолидированного рефлексией общих социально-экономических интересов и нравственно-этических представлений. Главный социологический критерий — социальная интеграция. Это означает, что в средах гражданского общества должны существенно повыситься принципиальность и взаимная нравственно-этическая требовательность. Возросшая социальная интеграция активной и ответственной части гражданского общества — необходимая предпосылка для того, чтобы сформированный на ее основе «ответственный класс» смог справиться со своей миссией — субъекта институциональных преобразований.

Позитивный характер процессов социальной интеграции активной и ответственной части гражданского общества требует также создания соответствующей системы мониторинга. Без социологического наблюдения и анализа трудно рассчитывать на успех этого жизненно важного процесса.

Специфика роли «ответственного класса» обуславливает и его организацию. Здесь вряд ли возможны партийные формы: сработает «закрытие Чернобырдина», будет пародия на КПСС. Скорее, успех может быть достигнут в рамках целенаправленного взаимодействия институтов и структур гражданского общества.

Главное условие — осознание миссии и ответственности за судьбы страны, принципиальность, активность и ответственность.

Предложенные посильные суждения призваны стать стимулом для заинтересованного диалога.

Список литературы (References)

Алиева Д. Я. Парадигматические сдвиги в социологии повседневности: концепция Мишеля Маффесоли // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 110—121.
Alieva D. Ya. (1995) Paradigmatic Shifts in the Sociology of Everyday Life: The Conception of Michel Maffesoli. *Sociological Journal*. No. 1. P. 110—121. (In Russian).

Бернштейн Э. Очерки из истории и теории социализма. СПб.: Издание Б. Н. Звонарева, 1902.

Bernstein E. (1902) Zur Geschichte und Theorie des Socialismus gesammelte Abhandlungen. Saint Petersburg: Izdaniye B. N. Zvonareva. (In Russ.)

Грамши А. Избранные произведения / под общ. ред. И. В. Григорьевой и др. М.: Политиздат, 1980. Т. 3.

Gramsci A. (1980) Selected Works. Moscow: Politizdat. Vol. 3. (In Russ.)

Дискин И. Е. Институты: загадка и судьбы. М.: РОССПЭН, 2016.

Diskin I. E. (2016) Institutions: Mystery and Fate. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Дискин И. Е. Альтернативы «российского прорыва». М.: РОССПЭН, 2019.

Diskin I. E. (2019) Alternatives to the “Russian Breakthrough”. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Дискин И. Е., Федоров В. В. Респонсивность современной российской политической системы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 6. С. 4—11.

Diskin I. E., Fedorov V. V. (2010) Responsiveness of Modern Russian Political System. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 4—11. (In Russ.)

Заславская Т. И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004.

Zaslavskaya T. I. (2004) Contemporary Russian Society: Social Transformation Mechanism. Moscow: Delo. (In Russ.)

Мак-Нил У. Восхождение Запада: история человеческого сообщества. Киев: Ника-Центр; М.: Старклайт, 2004.

McNeill W. H. (2004) *The Rise of the West: A History of the Human Community*. Kiev: Nika-Tsentr; Moscow: Starklight. (In Russ.)

Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм / пер. Г. А. Рачинского. СПб., 1912.

Nietzsche F. (1912) *Die Geburt der Tragödie: Oder: Griechentum und Pessimismus*. Saint Petersburg. (In Russ.)

Тилли Ч. От мобилизации к революции. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019.

Tilly Ch. (2019) *From Mobilization to Revolution*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)

Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992.

Tocqueville A. (1992) *De la Démocratie en Amérique*. Moscow: Progress. (In Russ.)

McNeill W. H. (1976) *Plagues and Peoples*. Garden City, NY: Anchor Press/Doubleday.

North D. C. (1990) *Institution, Institutional Change and Economic Performance*. New York, NY: Cambridge University Press.